

А. Я. АВРЕХ

Распутин и распутинщина¹

Григорий Распутин родился в селе Покровском Тюменского уезда Тобольской губернии в 1864 или 1865 г. в семье крестьянина среднего достатка. Пить он начал с 15 лет, а после женитьбы, когда ему было около 20, пьянство еще более усилилось. Затем он начал обворовывать своих односельчан. Пойманный однажды на месте преступления, он был сильно избит и отведен в волостное правление. Однако красть не прекратил, и сельским обществом был возбужден вопрос о высылке его в Восточную Сибирь. Ему удалось уцелеть, но поскольку в Покровском волостном суде против него все же было возбуждено дело, он предпочел не искушать судьбу и отправился в Верхотурский монастырь Пермской губернии. В этот период его жизни свидетели характеризовали Распутина как человека хитрого, наглого и буйного, любителя драк и сквернословия.

С паломничества в Верхотурский монастырь, где Распутин пробыл три месяца, начинается новый период его жизни. Он забросил семью и хозяйство и в течение нескольких лет перебивал в десятках всевозможных обитателей, в том числе и на Афоне. Он бросил пить, курить и есть мясо. Вернувшись в Покровское, устроил в подполье молельню, в которой вместе со своими поклонницами, число которых все время росло, в то время как поклонников было всего двое, устраивал весьма своеобразные «богослужения», неизменно заканчивавшиеся самым скотским развратом. Это дало основание подозревать Распутина в хлыстовстве, но хлыстом он, по-видимому, все же не был.

С течением времени слава нового и весьма своеобразного «праведника» росла, умный и хитрый мужик ею очень умело и ловко пользовался

¹ Печатается по: *Аврех А. Я.* Распутин и распутинщина // Танеева (Вырубова) А. А. *Распутин.* М., 1990. С. 21–31.

и в конечном итоге попал в Петербург, а затем и ко двору. Это произошло в 1904 г. «Старцу» тогда было 40 лет. Нет, разумеется, никакой возможности, а главное, необходимости перечислять «клиентуру» старца, преимущественно женскую, начиная от дам и девиц высшего света и кончая заурядными проститутками, описывать его пьяные и развратные похождения, способы добывания денег и т.д.

Отметим только, что общая причина, по которой многочисленная женская рать осаждала Распутина, коренилась в кризисе режима, всегда сопровождаемом падением нравов, увлечением мистицизмом и эротоманией, особенно характерным для женщин, прежде всего высшего общества, но не обходящим стороной и более низкие социальные категории. Конкретные же причины могли быть самые разные, начиная от самого банального разврата, прикрываемого флером мистики и святости, и кончая весьма трезвыми расчетами при помощи всемогущего «старца» устроить свои денежные дела, синекуру мужьям и возлюбленным. Но были и поклонницы, к ним, в частности, относилась Вырубова, которые искренне верили в святость Распутина. Широко распространившийся в годы войны слух, что императрица и Вырубова сожительствовали с ним, не соответствует действительности. Единственное, что было верно, — это то, что влияние «старца» на них стало сразу прочным и сильным.

Тем не менее не следует думать, что с этого момента жизнь его покати-лась как по маслу и он сразу же стал вмешиваться в политику. Распутину пришлось пережить несколько кризисов в своей карьере, каждый из которых грозил ему полным крахом. Наиболее серьезных было три. В первый раз вознамерились убрать «старца» в начале 1911 г. председатель Совета министров П. А. Столыпин и обер-прокурор Святейшего синода (т.е. министр по делам Православной церкви) С. М. Лукьянов. Они представили Николаю II доклад, который не оставлял никаких сомнений насчет того, кем был Распутин в действительности. Положение его пошатнулось, но на выручку кинулась Александра Федоровна. В результате «Друг», как его неизменно называла императрица, уцелел, а Лукьянову была дана отставка. Положение Столыпина, и без того сложное, стало еще более шатким, и он также непременно бы лишился своего поста (по другим причинам), если бы до этого не был смертельно ранен бывшим агентом охраны Богровым.

Вторую попытку покончить с Распутиным в феврале 1912 г. предпринял председатель IV Государственной Думы М. В. Родзянко. Он также собрал компрометирующие «старца» материалы и представил их царю. Материалы были настолько убедительны, что Николай II заколебался. Но в дело снова вмешалась его супруга, и Родзянко было дано недвусмысленно понять, что больше с ним на эту тему разговаривать не желают.

В третий и последний раз Распутину пришлось испытать серьезную тревогу в июне — августе 1915 г., когда с ним решил покончить товарищ министра внутренних дел В. Н. Джунковский. Он представил царю подробную записку, в центре которой был грандиозный пьяный скандал, устроенный Распутиным в знаменитом подмосковном ресторане «У Яра», слухи о котором разнеслись по всей стране. Казалось, Джунковский был близок к успеху, но... прошло совсем немного времени, и царь написал министру внутренних дел: «Настаиваю на немедленном отчислении генерала Джунковского», что и было исполнено. Сам Джунковский по этому поводу меланхолично заметил: «Думаю, что это он сделал под влиянием императрицы». Последняя на этот раз не ограничилась только разговорами со своим супругом, а произвела при помощи одного из самых близких друзей царской четы флигель-адъютанта Саблина свое контррасследование происшедшего «У Яра», которое, разумеется, сильно отличалось от того, что говорилось в докладе Джунковского.

Это был последний кризис во взаимоотношениях «старца» с царем. Более того, именно с августа 1915 г. и вплоть до убийства Распутина в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. его влияние на политику достигает апогея. Именно этот период современники прежде всего имели в виду, когда говорили и писали о «распутинщине». Все последующие попытки со стороны великих князей, министров, Думы и других прекратить его вмешательство в дело управления страной окончились безуспешно. Наступил период абсолютной неуязвимости «Друга», его максимального воздействия на царскую чету.

До этого времени Распутин в политику сколько-нибудь серьезно не вмешивался. Ни один министр до осени 1915 г. не был назначен по его указанию. Исключением явился обер-прокурор Синода В. К. Саблер, который получил эту должность благодаря вмешательству императрицы. «Императрица, — свидетельствует в своих воспоминаниях царский министр внутренних дел С. Д. Сазонов, — была инспирирована Распутиным, который в это время еще не вмешивался в государственные дела, но был озабочен устранением одних епископов, которые были ему враждебны, и протезировал другим, на поддержку которых он мог рассчитывать». «Старец» в это время интересовался почти исключительно церковными делами. На это у него были две причины. Во-первых, ведя пьяный и развратный образ жизни, он, естественно, ожидал протестов, и таковые были прежде всего со стороны церковных иерархов и Синода, в чью первейшую обязанность входило оберегание достоинства и морального авторитета царствующих особ. Кроме того, как указывалось, Распутин подозревался в «хлыстовстве», т.е. с точки зрения закона и церкви — в преступной ереси. Во-вторых, ампула

«святого», в котором он подвизался перед царской четой, обязывало его, так сказать, по долгу службы интересоваться именно церковными делами. Он даже сочинил и издал брошюру о своем путешествии в Иерусалим — нечто невообразимое по своей безграмотности и отсутствию смысла, — которая, однако, очень почиталась императрицей, Вырубовой и толпой его истеричных поклонниц из высшего общества.

С 1915 г. картина резко меняется — «старец» вплотную занялся вполне светской и притом высшей политикой: после попытки Джунковского свалить его он понял, что сможет уцелеть только в том случае, если будет контролировать официальное правительство, прежде всего ключевые министерские посты — внутренних дел и юстиции, не говоря уже об обер-прокуроре Синода. Но первой своей жертвой он избрал великого князя Николая Николаевича, дядю царя и Верховного главнокомандующего. Дело в том, что именно великий князь и его брат Петр, вместе со своими женами Анастасией и Милицей, которые были родными сестрами, ввели Распутина во дворец. Освоившись и оценив обстановку, последний пришел к выводу, что ему выгоднее предать своего благодетеля и поссорить с ним августейшую чету, что и было успешно достигнуто. Прежние близкие отношения стали холодными и даже враждебными. Естественно, что вражда Николая Николаевича, его брата и их жен, прозванных при дворе «галками», распространилась и на виновника происшедшего охлаждения. Став Верховным главнокомандующим, Николай Николаевич приобрел огромную власть, почти равную императорской, и Распутин испугался, решив, что единственное его спасение в отставке великого князя, в его опале.

Ситуация для «старца» осложнилась еще тем обстоятельством, что летом 1915 г. под давлением Думы и цензовой «общественности» были уволены четыре наиболее реакционных министра, в том числе и Саблер, а на его место назначен московский губернский предводитель дворянства А. Д. Самарин — ярый и открытый враг Распутина, который главным условием своего согласия на занятие предложенного ему поста оговорил удаление «Друга» из Петрограда. Суть происшедшего состояла в том, что смена министров была произведена по прямому совету ставки, т. е. Николая Николаевича, и имела целью как-то поладить с «общественностью».

Интригу против Николая Николаевича «старец» провел достаточно хитро, играя на сокровенных струнах Александры Федоровны: он убедил ее в том, что оставление великого князя на его посту грозит в конечном итоге ее супругу, а следовательно, и наследнику потерей трона. Царем станет Николай III — великий князь. Дальше все было, как говорится, делом техники: столь же планомерно, сперва также

весьма осторожно, а потом все более открыто и настойчиво аналогичную кампанию по отношению к Николаю II провела его супруга. Кончилось дело тем, что Николай Николаевич был отправлен на Кавказ, подальше от столицы, а Верховным главнокомандующим стал сам царь.

Смена верховного главнокомандования была одним из ключевых моментов в кризисе верхов в годы Первой мировой войны. Этот рубеж чрезвычайно важен еще и потому, что он положил начало новому и последнему этапу в разложении царизма — так называемой «министерской чехарде». Смысл ее состоял не в частой смене министров, а в том, что прежних министров, так или иначе противившихся влиянию на государственное управление царицы и, следовательно, ее «Друга», заменяли откровенными ставленниками «старца». В частности, отставка Николая Николаевича привела к отставке почти всех министров, возражавших против решения царя стать самому Верховным главнокомандующим, прежде всего из опасения, что влияние злобещей пары распространится и на Ставку в момент, когда положение на фронте было исключительно тяжелым. В их числе были уволены и все четыре министра, назначенные два-три месяца назад по рекомендации великого князя.

Чтобы понять, к каким политическим последствиям вела «министерская чехарда», следует посмотреть, кого и как проводил Распутин в министры. Прежде всего, он позаботился о Министерстве внутренних дел: министром, благодаря его усилиям, был назначен А. Н. Хвостов, а его товарищем, в ведении которого был Департамент полиции и, следовательно, охрана «старца», стал С. П. Белецкий — личности, заслуживающие повышенного внимания.

Еще в бытность свою нижегородским губернатором Хвостов получил прозвище Соловей-разбойник. Затем он решил стать депутатом IV Думы, где возглавил фракцию крайних правых. Его конечной целью было стать председателем Совета министров. Одиннадцати пудов весом, «уродливо толстый, с милым лицом и горящими глазами», — по описанию современника, — этот еще молодой сорокалетний человек так сам себя характеризовал в беседе с жандармским генералом А. И. Спиридовичем: «Я есть человек без задерживающих центров. Мне ведь решительно все равно, ехать ли с Гришкой (Распутиным. — А. А.) в публичный дом или с буфера под поезд сбросить». Даже прошедший огонь, воду и медные трубы жандарм был потрясен: «Я не верил ни своим глазам, ни своим ушам. Казалось, что этот упитанный, розовый, с задорными веселыми глазами толстяк был не министр, а какой-то бандит с большой дороги». Что же касается деловых качеств Хвостова, то он «был невежда и в политике, и в полиции». Эта характеристика полностью соответствовала действительности.

Такой же темной личностью, но иного типа был и С. П. Белецкий.

К моменту своего назначения товарищем министра внутренних дел он уже был совершенно аморальным субъектом: с одной стороны, «примерный муж», а за пределами семьи — устроитель «афинских вечеров». «Разжиревший, с одутловатым посиневшим лицом, заплывшими глазами и сиплым голосом, он производил впечатление нравственно опустившегося, спившегося человека», проводившего время в кутежах с балетными «звездочками», — свидетельствовал другой современник.

Таков был напарник Хвостова. Но был и третий член компании, некий князь М. М. Андроников. Это был жулик и проходимец высокого класса. Он нигде не служил, состояния у него не было, тем не менее жил он на самую широкую ногу. В его огромной квартире была комната, разделенная на две половины: в одной была его спальня, в другой — модельня, и в ней уединялись молодые люди, как с самим Андрониковым, так и без него. Он был вхож в самые высокие сферы, вплоть до Царского Села. Министры его не только охотно принимали, но были с ним необычайно любезны в страхе перед его грязным языком, способным погубить любую репутацию. Сам себя Андроников называл «адъютантом Господа Бога», «человеком в полном смысле», «гражданином, желающим как можно больше принести пользы своему отечеству». И именно этому «человеку» и «гражданину» пришла в голову идея относительно Хвостова и Белецкого. Он свел их между собой, посвятил в свой план, получил их согласие, и троица стала действовать. Андроников свел их с Вырубовой и Распутиным, и дело было сделано: царица стала бомбардировать письмами своего супруга и очень легко добилась его согласия на новые назначения. Сам Хвостов во время данной ему аудиенции привел царицу в полный восторг, о чем она тоже сообщила мужу.

Сначала Хвостов рассчитывал, что ему удастся скрыть от Думы и общественности тайну своего назначения. Но это не удалось: Распутин специально афишировал свою близость к нему, чтобы держать его в полном подчинении. И тогда Хвостов, будучи тем, кем он был по своей натуре, — уголовником, — решил убить Распутина. Сперва он задумал избавиться от «старца», отправив его по монастырям в сопровождении двух монахов — игумена Мартемиана, давнего знакомого министра, и архимандрита Августина — двух отпетых негодяев, которые даже на Белецкого и Андроникова «произвели кошмарное впечатление». Главной их задачей было спаивание Распутина, а там — «по обстоятельствам».

Распутин дал притворное согласие, получил на дорожные расходы 5 тысяч рублей, разумеется, казенных, но предварительно заявил, что «у себя в губернии (Тобольской. — А. А.)» хочет иметь своего губернатора,

и назвал фамилию. Когда эта просьба была исполнена, он тут же заявил, что никуда не поедет, и троица поняла, что проиграла. Тогда возникли другие планы, на этот раз уже прямого убийства. Все они по разным причинам не удались. Последний план уже целиком принадлежал Хвостову. Он послал своего старого знакомого журналиста Ржевского в Норвегию к бежавшему туда иеромонаху Илиодору, бывшему другу, а затем злейшему врагу Распутина, с предложением убраться «старца» за 60 тыс. рублей золотом. Но поскольку он собирался затем это убийство свалить на Белецкого, а тот это понял, последний поехал к Вырубовой и все ей рассказал. Разразился грандиозный скандал, Распутин и «дамы» были до смерти напуганы, и дело кончилось тем, что и Хвостов, и Белецкий получили отставку, а Андроников впал в немилость.

«Опыт князя Андроникова, сумевшего провести в министры Алексея Хвостова, — писал хорошо осведомленный современник, — подал Мануйлову мысль провести Штюмерера в премьеры... Переговорив со Штюмерером и обсудив все дело, Мануйлов принялся за дело». И. Ф. Манасевич-Мануйлов был таким же выдающимся проходимцем и авантюристом, как и Андроников. И методы он избрал те же, убедив Распутина, Вырубову и петроградского митрополита Питирима, обязанного своим назначением тому же Распутину, что Б. В. Штюмерер именно тот человек, который нужен на посту премьера. Дело было сделано очень быстро, и Штюмерер получил свой пост. «Не Штюмерер создал Мануйлова, — свидетельствовал с полным знанием дела Хвостов, — а Мануйлов создал Штюмерера... взял (!) через Гришку того, кого нужно было, председателем Совета министров».

Штюмерер был не менее одиозной фигурой, чем Хвостов, и так же как и последний, был совершенно непригоден к государственной деятельности. Коллеги-министры его презирали за бесчестность, неумение связать двух слов и неспособность даже председательствовать. Он был вынужден уйти в отставку спустя несколько месяцев после своего назначения под давлением Думы и оппозиционной помещичье-буржуазной общественности. Но до этого эпицентром грандиозного скандала стал его фактотум — И. Ф. Манасевич-Мануйлов, которого он сделал своим секретарем.

В августе 1916 г. товарищ директора Московского соединенного банка И. С. Хвостов обратился с жалобой к директору Департамента полиции Климовичу, в которой говорилось, что Мануйлов шантажирует банк, требуя 25 тыс. рублей. По совету Климовича (он был во враждебных отношениях со Штюмерером) Хвостов передал Манасевичу требуемую им сумму, предварительно записав номера кредитных билетов. Пойманный с поличным, Манасевич был арестован. Этот арест

вызвал шок у всей компании. Царица, Вырубова, Распутин, Штюрмер были в настоящей панике, тем более что Манасевич сразу дал понять, что выступит с неприемлемыми для них разоблачениями. Ценой увольнения двух министров юстиции, не соглашавшихся освободить арестованного проходимца, и директора Департамента полиции, путем массированного штурма Александрой Федоровной своего супруга Манасевич был освобожден. Лишь после убийства Распутина он был осужден, но отделался сравнительно легко.

После этого случая Распутин твердо решил, что ему нужна «своя юстиция». Другой проходимец, карточный шулер и скупщик бриллиантов, игравший при «старце» роль секретаря, посоветовал ему провести в министры юстиции сенатора Добровольского. Но последний оказался таким низкопробным субъектом, что даже Распутин запротестовал, заявив, что такая «юстиция» неприемлема.

Последним крупным «вкладом» Распутина в очередную реконструкцию Совета министров было назначение министром внутренних дел А. Д. Протопопова, товарища председателя Государственной Думы. На этот раз «своим» министром внутренних дел решили обзавестись П. А. Бадмаев и П. Г. Курлов. Первый был бурятом, занимавшимся тибетской медициной и при Александре III оказавшим даже некоторое влияние на дальневосточную политику. Второй был жандармским генералом, товарищем министра внутренних дел при Столыпине, отставленным после смерти последнего, поскольку молва упорно приписывала ему главную роль в убийстве своего патрона. Он остался без всяких средств и жил на даче у Бадмаева, который его содержал в надежде, что его нахлебник еще выплывет. Именно на этой даче встречалась и спелась вся четверка.

Снова был приведен в действие отработанный механизм, и в сентябре 1916 г. Протопопов получил свой пост.

Новый министр по ряду причин, из которых главными были две — крайне реакционный курс и ренегатство, стал самым ненавистным и неприемлемым для Думы и «общественности», даже более, чем Распутин. И никем так не дорожили царская чета и Распутин, как именно Протопоповым. Все усилия Думы, двух последних председателей Совета министров и других влиятельных кругов, требовавших его отставки, окончились безуспешно. Более того, после смерти «старца» его позиции еще более окрепли и он фактически занял место Распутина. Сам же Протопопов как личность и политик был совершеннейшим ничтожеством. В своих многолетних усилиях добыть «белые штаны» он не останавливался ни перед какими соображениями достоинства и престижа. Даже родной брат презирал его. «Мелкий, дрянненький

человек... — писал он в своем дневнике. — Целыми днями таскается по высокопоставленным лицам». На своем посту он был настоящим посмешищем как для аппарата министерства, так и для общественности. По рукам ходило стихотворение с рефреном: «Про-то-Попка знает, про-то-Попка ведает».

Как же стало возможным, чтобы неграмотный пьяный мужик, не занимавший никакого официального положения, стал фактическим главой государства в самый критический период его жизни? И не в Средние века, а в начале XX века, и не в каком-нибудь захолустье, а в великой державе с опытной правящей бюрократией, с властными верхами и т. п.? Этот вопрос был и остается главным и решающим как для современников, так и для ныне живущих людей.

Современники, принадлежавшие к правительственным и общественным верхам, были фактически единодушны в своем ответе: причиной распутинского феномена является, с одной стороны, безволие царя, полностью подчинившегося влиянию своей обладавшей якобы сильным характером жены, и крайняя истеричность и мистицизм последней, сделавшие ее игрушкой в руках «Друга», — с другой. Это было всеобщим убеждением, которое Н. Врангель (отец белого генерала П. Врангеля) выразил в следующей формуле: «Государством правила его (царя. — А. А.) жена, а ею правил Распутин. Распутин внушал, царица приказывала, царь слушался». К этому добавим, что передаточным механизмом от Распутина к царице служила А. А. Вырубова, ее самая близкая и интимная подруга.

Справедливости ради следует сказать, что внешне дело обстояло именно так, как засвидетельствовал Врангель и многие другие мемуаристы, на глазах которых все это и происходило. Действительно, «Друг» внушал царице, а та супругу. Но если этим все и исчерпывалось, то придется признать, что решающим или одним из решающих факторов гибели романовской монархии оказалась чистая случайность. Будь, скажем, у царя твердый характер и не люби он свою жену, никакого Распутина не было бы и в помине и, глядишь, не было бы и революции, потому что страна управлялась бы на рациональных, а не на мистических началах. Но даже школьник не примет такой простецкой версии. Даже он знает, что объективные законы, а не сцепление случайностей определяют ход истории. Следует внести некоторые коррективы в широко распространенное представление о причинах и характере влияния Распутина на императрицу. Безусловно, это влияние было очень велико — достаточно ознакомиться с ее письмами Николаю II в ставку, чтобы убедиться в этом. Все начиналось и кончалось настоятельным требованием неукоснительно следовать указаниям «Друга» или «Григория». Почти все свидетели

и современники в один голос говорили и писали, что Распутин сумел ей прочно внушить одну решающую мысль: покуда он, божий праведник, с ними — будет жив наследник (страдавший гемофилией — жизнь царевича по этой причине всегда была под угрозой) и будет сохранен престол. В противном случае гибель грозит и тому и другому. Средством внушения якобы был сильный гипнотический дар «старца», находивший повышенный отклик в крайнем мистицизме и истеричном характере супруги царя. Ее вера в «Друга» зашла так далеко, что она считала его святым, а все факты, рисовавшие его в истинном свете, которые доходили и до нее, объявляла ложью и интригами, имевшими целью опорочить их божьего заступника.

Однако многое заставляет сильно усомниться в достоверности этой версии, дожившей до наших дней. Начать с того, что в огромном количестве писем царю в годы войны, в которых императрица требовала следовать наставлениям «Друга», ни разу в качестве аргумента не приводится болезнь наследника. Отнюдь также не слепа была она и по части святости «старца». Протопресвитер русской армии в годы войны Георгий Шавельский, близко стоявший ко двору и пользовавшийся большим авторитетом как у царя, так и у царицы, человек умный и наблюдательный, обратил внимание на один любопытный факт: у царицы имелась книга «Юродивые святые русской церкви» с ее собственноручными отметками в тех местах, где говорилось, что у некоторых святых юродство проявлялось в форме половой распущенности. «Дальнейшие комментарии, — справедливо заключал по этому поводу протопресвитер, — излишни». Переписка показывает, что для нее не были секретом и пьянство Распутина, и его денежные махинации.

Что же касается царя, то он уже в силу своего положения совершенно точно и основательно знал, кем и чем был Распутин на самом деле, поскольку читал и выслушивал соответствующие доклады министров, товарищей министров, председателя Думы, того же Шавельского и многих других, которые не оставляли никаких сомнений в достоверности приводимых фактов. Когда Родзянко попросил у царя разрешения говорить о Распутине, тот, «опустив голову», разрешил. При виде показанной ему фотографии, где «старец» красовался с наперсным крестом на груди (на что имели право только духовные лица), царь, человек очень религиозный, не выдержал: «Да, это уже слишком». Во время доклада Джунковского царь был «очень взволнован, благодарил», просил и впредь держать его в курсе походов «старца», заявив при этом, что он Джунковскому полностью верит, и два месяца после этого не пускал Распутина себе на глаза. Таким образом, главная причина влияния «Друга» на царскую чету была иной.

Коротко ответ сводится к следующему. Всякая власть нуждается в подтверждении своих полномочий. Распутин и был той инстанцией, которая подтверждала эти полномочия как «от имени народа», поскольку он был выходцем из крестьян, так и «от имени Бога», поскольку корчил из себя божьего праведника. Он освящал и одобрял все их планы и начинания, вселяя и в царя и в царицу уверенность в своей правоте. Для людей, полностью изолировавших себя от внешнего мира, живших в мире идиотской иллюзии, что народ их любит, а против только гнилая интеллигенция и аристократия, это было жизненно важно. На этом и играл Распутин.

Суть состояла в том, что вся «великолепная четверка» представляла собой группу единомышленников. Распутин предлагал только те кандидатуры, которые полностью устраивали и царскую чету. Есть масса доказательств, что «Друг» был очень осторожен в этом отношении и без разведки через «Аннушку» (Вырубову. — А. А.) не давал ни одной рекомендации. Царь «отнюдь не был безвольным, а, наоборот, отличался упорным стремлением к осуществлению зародившихся у него намерений», — писал В. И. Гурко, бывший товарищ министра внутренних дел при Столыпине, а потом член Государственного Совета. «Надо признать, — писал тот же автор, — что Распутин, проводя своего кандидата, сперва тщательно старался выяснить степень приемлемости его самой государыне, а лиц ей неугодных поддерживать не решался». И вот тут-то выступал «непременный посредник» — Вырубова. Лишь тогда, узнав, что Вырубова убедила царицу, «старец» высказывался открыто. Без Вырубовой, «ее непосредственного участия и деятельной помощи Распутин... достичь ничего не мог», — делает вывод В. И. Гурко.

Секрет успеха Распутина коренился в полной изжитости строя. Внимательные наблюдатели в один голос твердят, что не Распутин породил распутинщину, а, наоборот, последняя подняла на гребень мутной волны царского «Друга». «Если бы высшие слои русского общества дружно сплотились и верховная власть встретила серьезное упорное сопротивление... — писал Родзянко, — то от Распутина и его клики не осталось бы и следа». «Не подлежит сомнению, — писал упомянутый Гурко, — что, если бы та среда, из которой черпались высшие должностные лица, не выделила такого множества людей, готовых ради карьеры на любую подлость, вплоть до искомательства у пьяного безграмотного мужичонки покровительства, Распутин никогда бы не приобрел того значения, которого, увы, он достиг». Подобных свидетельств можно привести много.

Опыт всех революций показывает, что их канун характеризуется таким состоянием государственного организма, когда государственный подход

полностью вытесняется личным служением, беспринципным карьеризмом и открытым цинизмом. На такой путь встали не только правящие верхи, но и сама царская чета. Ее интересовал, так же как и «Друга», только один критерий при подборе министров — личная преданность. Все остальное — компетентность, доверие общества и другие качества политика и администратора — их не только не интересовали, но и служили противопоказанием для получения ответственного поста. Более того, чем ничтожнее и бесчестнее был кандидат в министры, тем было лучше. Царь, назначая Хвостова министром внутренних дел, отнюдь не покупал kota в мешке. Родной дядя Хвостова, который был в это время министром юстиции, на его вопрос охарактеризовал своего племянника самым отрицательным образом, подчеркнув его полную непригодность к государственной деятельности. Тем не менее царь не внял этому предостережению, далеко не единственному. Более того, даже после его отставки и царь, и царица не переставали жалеть, что потеряли такого нужного им человека. «Если бы Хвостов пришел к нам и выразил желание примириться, — писала царица Николаю II, — то я рада была бы простить его». Царь в ответ заявил, что он «никогда не сомневался» в преданности Хвостова и он примет его несколько позднее.

Протопопов писал, что люди, имевшие доступ ко двору, делились на «своих» и «не своих». Белецкий подчеркивал, что назначение Хвостова состоялось тогда, когда у царской четы и у Распутина «окончательно» созрела мысль «иметь... только своих людей, в личной преданности которых они не могли сомневаться». Таким «своим» для всей «великолепной четверки» был и сам Протопопов, хотя «Друг» насчет его нравственных качеств не заблуждался ни на йоту. «Честь его тянется, как подвязка», — характеризовал он своего ставленника Мануйлову.

Именно поэтому не был применен имевшийся у господствующего класса, его верхушки, исторически хорошо отработанный способ «исправления случайности рождения», по выражению знаменитого русского историка В. О. Ключевского, — физическое устранение негодного царя при помощи дворцового переворота. Классическим примером такой «исторической корректировки» было убийство Павла I. Спрашивается, почему же теперь, видя, что царь тянет в пропасть не только себя, но и свое окружение, верхи так не поступили? Потому, что они так же выродились, как и вся романовская монархия. Вместо того, чтобы убить Николая II, два сиятельных «невропата» — великий князь Дмитрий Павлович (племянник царя) и князь Ф. Ф. Юсупов с балаганным черносотенным думцем В. Н. Пуришкевичем убили Распутина. Это была своего рода карикатура XX века на век XVIII-й. Тогда уверенная в себе знать убивала негодных царей, теперь

ее измельчавшие потомки убили пьяного мужика, не понимая, что это ровным счетом ничего не изменит и изменить не может, что и подтвердили дальнейшие события.

Убийство было подготовлено и осуществлено самым глупым образом. О готовящемся убийстве Пуришкевич рассказал не только В. В. Шульгину, но и группе думских журналистов, и о заговоре полиция не узнала только потому, что последние, хорошо зная заговорщика, встретили его слова смехом, приняв их за шутку или хвастовство. Яд, который всыпали в любимую «старцем» мадеру и начинили пирожные (его достал кадет В. А. Маклаков, также посвященный в заговор), оказался, как сказали бы теперь, некачественным — Распутин на какое-то время лишился сознания, а затем едва не ушел — Пуришкевич прикончил его уже во дворе юсуповского дворца, причем прибежавшему на выстрелы городовому было тут же хвастливо заявлено, что он не кто иной, как сам Пуришкевич и что он только что убил Распутина (а перед этим Юсупов специально застрелил свою собаку с целью скрыть истинную причину раздавшихся в ночи выстрелов от того же городского). Но, как оказалось, даже застрелить как следует «старца» тоже не сумели — медицинская экспертиза показала, что Распутин был сброшен в воду еще живым.

Но еще более нелепым убийство Распутина выглядело с политической точки зрения. Оно могло иметь какой-то смысл, если бы вся троица тут же публично заявила о своей акции, мотивировав ее высокими государственными интересами. Учитывая всеобщую ненависть к «старцу», это могло вызвать какой-то резонанс в «обществе». Заговорщики поступили наоборот: Пуришкевич сразу же укатил на фронт с санитарным поездом, а великий князь и просто князь стали уверять со слезами и клятвами не только царскую чету, но и своих близких, что абсолютно непричастны к убийству. Дмитрий Павлович, как свидетельствовал другой великий князь, даже своему отцу поклялся «на образе матери... что в крови этого человека рук не марал». И вполне естественно, что следователь по особо важным делам, ведший дело об убийстве Распутина, заявил, что «он много видел преступлений умных и глупых, но такого бестолкового поведения соучастников, как в данном деле, он не видел за всю свою практику».

